

DOI: 10.31857/S032103910010642-9

А.Ж. АРУТЮНЯН. Столица Великой Армении Тигранакерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296–301 гг. н.э.). Ростов-на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 253 с. ISBN 978-5-9275-3077-9

Работа А.Ж. Арутюняна посвящена истории одного из важнейших городов Великой Армении Тигранакерта в контексте армяно-римо-сасанидских межгосударственных отношений 296–301 гг. н.э. Труд А.Ж. Арутюняна включает введение, 3 главы основной части, список источников и использованной литературы, подборку иллюстраций и статью-посвящение, написанную автором в память о Г.Х. Саркисяне.

Во введении автор подробно останавливается на целях и задачах своего исследования, а также дает обстоятельную характеристику истории Аршакидской Армении в I–IV вв. н.э. Цели и задачи, поставленные А.Ж. Арутюняном (с. 10), не вызывают каких-либо возражений, тем более что никто ни в отечественной, ни в зарубежной науке не рассматривал историю Тигранакерта как одного из важнейших городских центров древней Армении в связи с межгосударственными отношениями в Закавказье позднелатинского времени.

Однако дальше в изложении Арутюняна один за другим следуют ошибочные, недоказанные и произвольные утверждения и положения. Так, автор утверждает, будто древняя Армения входила в так называемый «плодородный полумесяц» (с. 7–9), но это в лучшем случае недоразумение, поскольку она лежала к северу от плодородного полумесяца. Невозможно согласиться и с другими тезисами, высказанными автором во введении. Особенно это касается истории Армении праджеменидского, ахеменидского и эллинистического времени. Несколько странно выглядит утверждение Арутюняна о том, что Оронтиды правили Арменией с первой четверти VII в. до н.э. (с. 21) (!). Хотя известно, что государство Урарту существовало на территории армянского нагорья до начала VI в. до н.э., да и Оронт I, персидский сатрап, основатель одноименной династии, впервые упомянут Ксенофонтом (*Anab.* IV. 3. 4), описывающим поход десяти тысяч греческих наемников из Месопотамии к Черному морю в 401–400 гг. до н.э. Вряд ли можно согласиться и с утверждением автора, согласно которому до 189 г. до н.э. «эллинизм никак себя не проявлял в Оронтидской... Армении» (с. 21). Во-первых, неясно, что для автора является «эллинизмом», культурное явление или процесс взаимодействия восточных и западных начал в социально-экономической, политической и культурных сферах (концепция К.К. Зельина). Кроме того, автор явно смешивает нетождественные понятия «эллинизм» и «эллинизация» (с. 21). Да и вообще, можно ли считать Великую Армению «эллинистическим государством»? А.Г. Бокшанин предложил термин «эллинизованный» для тех государств, которые управлялись местной аристократией, воспринимавшей постепенно язык и культурные навыки греков, но в основном сохранявшей политическую самостоятельность¹. К их числу следует отнести и Армению. К тому же именно в III – начале II в. до н.э. происходит приобщение верхушки оронтидской Армении к эллинистической культуре, о чем свидетельствуют грекоязычные надписи из древнего Армавира². Арташес I (царь Великой Армении со 189 г. до н.э.) действительно основал Арташат³, однако говорить о вступлении страны на «эллинистические

¹ Bokshchanin 1960, 106–107; ср. Trever 1953, 15. На весьма поверхностную эллинизацию многих регионов эллинистического Востока указывала и Н.В. Пигулевская (Pigulevskaya 1956, 22).

² Boltunova 1942, 35–61; Manandyan 1946, 23–46; Trever 1953, 104–156.

³ Sarkisyan 1960, 42–44.

рельефы» начиная с эпохи правления этого царя (с. 21) нет оснований. По-видимому, при ранних Арташесидеях ведется политика сознательного обращения к иранскому ахеменидскому наследию. Это подтверждается, к примеру, надписями Арташеса I, очевидно, начертанными на межевых камнях и составленными на имперском арамейском древнеперсидской эпохи⁴. Надпись из Гарни (эпоха Тиридата I (52–88 гг. н.э.), составленная на греческом, также не может считаться каким-либо существенным признаком эллинизма (именно эллинизма, а не эллинизации!), как считает автор (с. 21), так как этот язык был *lingua franca* на Востоке в эллинистическую и постэллинистическую эпохи.

Не очень убедителен тезис автора и о том, что в Великой Армении в античную эпоху господствовал «рабовладельческий способ производства», а не «рабовладельческие отношения» (с. 12). Во-первых, неясно, чем отличаются «рабовладельческие отношения» от «рабовладельческого способа производства». В марксистской теории (которую, очевидно, принимает автор) подобного отличия не существует. Во-вторых, вряд ли вообще можно считать древнюю Армению государством, основанным на рабовладельческом способе производства. Как показали в свое время Я.А. Манандян и А.П. Новосельцев⁵, Армения фактически минула эту стадию социально-экономического развития.

Отдельно следует остановиться и на трактовке автором некоторых общих проблем истории Армении в позднеаршакидский период. Так, А.Ж. Арутюнян полагает, что Армения была первым христианским государством (с. 11). Однако первым государством, официально принявшим христианство, была Осроена (где-то в первой половине III в.) со столицей в Эдессе. Так, в эдесской хронике V–VI вв. н.э. имеется сообщение, что в столице этого государства христианская церковь, признанная на государственном уровне, имелась уже в 201 г.⁶ Совершенно ненаучно выглядит и предположение автора о том, что возникновение ислама в Аравии было «заранее спланированным» (с. 11). Было бы интересно узнать, кем и для чего? Ближний Восток и до возникновения арабского Халифата был яблоком раздора между ведущими державами – Римской империей (а затем и Византией) и Сасанидским Ираном.

Автор подробно и обстоятельно характеризует источники по истории Тигранакерта на фоне римско-персидско-армянских взаимоотношений описываемой эпохи (конец III–IV вв. н.э.), и в первую очередь одноименную надпись, от которой сохранилось 4 неполных блока (A, B, C, D) (с. 23–31). Во многом с его обзором следует согласиться, однако в число источников включены данные нумизматики (с. 25), хотя известно, что уже с первой четверти I в. н.э. регулярной монетной чеканки в Армении не было⁷. Кроме того, автором в обзоре источников недостаточно рельефно подчеркивается тот факт, что армянские раннесредневековые историки были летописцами знатных нахарарских родов Древней Армении и описывали реальность

⁴ См. Borisov 1946, 97–104; Diakonoff, Starkova 1955, 161–174, Tiratsyan 1959, 88–90; 1980, 99–104; Perikhanyan 1965, 107–128. Кроме того, в надписях из Зангезура и Спитака среди прочих титулов Арташеса I фигурирует и эпikleза «благой» – ТВ, имеющая авестийские параллели. Это постоянный эпитет иранского бога солнечного света и клятв Митры (Yt. 10. 4, 9, 11, 16, 21, 24, 27, 34, 43, 52, 59, 60, 69, 72, 78, 94, 101, 103, 111, 114, 122, 139, 141, 143, 145), следовательно, Арташес I в своей титулатуре использовал митраистские мотивы и образы, пропагандируя тем самым приверженность к культу указанного божества. Важно отметить, что и другой титул Арташеса I *hštrsr* – «глава власти», также засвидетельствованный в спитакской и зангезурской надписях, при сопоставлении с трилингвой позднеахеменидского времени (IV в. до н.э.) из ликийского Ксанфа разясняется как «находящийся под покровительством Митры-Аполлона» (Dupont-Sommer 1976, 10–12; Livshits 1979, 54–55). Все это не оставляет никаких сомнений в том, что Арташес I позиционировал себя как наследника Ахеменидов, а не как владыку, продвигающего в Великой Армении эллинистическое влияние.

⁵ Manandyan 1945, 3–28; Novosel'tsev 1980.

⁶ Pigulevskaya 2011, 492.

⁷ Именно «регулярной», так как монета периодически чеканилась армянскими Аршакидами вплоть до правления Тиридата II (?) (217–252 гг. н.э.). Кроме того, известно незначительное количество монет римских и парфянских ставленников на престоле Армении после падения династии Арташесидов: Вонона I, Арташеса III, Тиграна VI (Kovacs 2016, 31–35). С так называемой муниципальной чеканкой Арташата также все достаточно спорно. Традиционно она датируется II в. н.э., однако есть точка зрения, что эти монеты относятся к рубежу I в. до н.э. – началу I в. н.э. (Vardanyan 1987, 201–207). Так или иначе все это не связано с темой, разбираемой Арутюняном.

сквозь призму их интересов. Это указывалось по отношению, например, к Моисею Хоренскому (Мовсесу Хоренаци) уже Н.Г. Адонцем⁸.

Следует сказать, что литература по указанной проблематике в монографии Арутюняна рассмотрена практически со всей полнотой (с. 31–52). Автор показал, что достаточно хорошо разбирается в данной тематике. Заслуживает внимания и его тезис о том, что «основной вывод, заключающий историографический раздел, сводится к признанию факта отсутствия в историографии систематического изменения динамики внешних границ древней Армении на фоне взаимоотношений с различными государственными образованиями как Запада (Восточное Средиземноморье), так и Востока (Ирана), а также динамики внутреннего административно-территориального деления» (с. 50). Правда, автор включил в обзор работы по истории Армении I в. до н.э. и эллинистическо-римского мира III–I вв. до н.э. При этом большинство приведенных работ никак не связано с основной тематикой монографии. Это, к примеру, относится к работам С.Д. Литовченко, А.Г. Грушевого и др. При этом А.Ж. Арутюнян практически не останавливается на статьях Л.А. Ельницкого, посвященных некоторым спорным моментам истории аршакидской Армении IV в. н.э., в том числе и датировке тигранакертской надписи⁹. Основные работы по данной теме анализируются Арутюняном не в хронологическом порядке, а несколько хаотически. Так, вначале охарактеризованы действительно важнейшие труды Я.А. Манандяна и Г.Х. Саркисяна, а лишь затем фундаментальный труд Н.Г. Адонца (с. 31–35), вышедший еще в 1908 г. Работа И.А. Джавахишвили¹⁰, тесно примыкающая к труду Н.Г. Адонца в арменоведческой части, специально автором не рассматривается, что не вполне корректно. В дальнейшем автор рассматривает основную литературу, как кажется, систематически (с. 35–51) (см. выше).

Основная часть рецензируемой работы открывается главой, посвященной историко-географическому анализу местонахождения Тигранакерта (с. 53–74), что вполне логично. Рассмотрев в § 1 основные точки зрения по данному вопросу и обратившись к материалу источников, автор приходит к выводу, что город, основанный Тиграном II (96–55 гг. до н.э.), необходимо локализовать восточнее г. Фаркина, на юго-западе от озера Ван, на одном из отрезков дороги, ведущей в центральные районы Армении (с. 59, 60), тогда как до А.Ж. Арутюняна исследователи определяли местонахождение города значительно северо-западнее — ближе к Софене, у северных притоков Тигра, на берегу реки Нимфей¹¹. Позиция Арутюняна по данной проблеме не лишена остроумия. Действительно, Тигран II, основав одноименный город на юге Великой Армении, расширил контроль над вновь завоеванными территориями бывшей селевкидской Сирии и прилегающих к ней областей. Несмотря на это, вопрос требует дальнейшего изучения и осмысления, так как данные античной и армянской раннесредневековой традиции крайне противоречивы, и поэтому традиционная точка зрения также имеет право на существование¹².

В § 2 первой главы основной части монографии анализируются археологические и нумизматические источники по истории Тигранакерта эпохи его основателя Тиграна II (с. 74–81). Этот параграф выбивается из основного текста работы, посвященной более позднему времени. Соображения автора о существовании и функционировании в Тигранакерте монетного двора в I в. до н.э. небезынтересны и небезосновательны, но какое отношение это имеет к III–IV вв. н.э.? Сомнителен тезис автора об осторожности Тиграна II, который, по мысли А.Ж. Арутюняна, никогда не чеканил монет с титулом «царь царей» для завоеванных территорий Сирии и Финикии, населенных греческим и эллинизированным населением (с. 78–79). Но Арутюнян сам говорит, что монеты в древности выполняли агитационную и пропагандистскую функции (с. 79). Было бы вполне оправданным со стороны Тиграна II пропагандировать свою власть и величие на завоеванных территориях с помощью монет с указанным титулом. Не под-

⁸ Adonts 1908, 488–493.

⁹ Elnitskiy 1961, 207–211; 1964, 145–148; Yelnitsky 1965, 122–130. В библиографии приведена только одна его статья, вышедшая в 1965 г. (с. 204).

¹⁰ Dzhevakhishvili 1905, 77–147.

¹¹ Lehmann-Haupt 1910, 381–394, 501–523; Adonts 1908, 3–6; Sarkisyan 1960, 50.

¹² В античной и раннесредневековой армянской традиции упоминаются четыре Тигранакерта. Не исключено, что древние авторы говорят о разных городах, названных Тиграном в свою честь.

тверждается источниками тезис автора, что народ в Армении был восхищен и гордился своим царем, поэтому воспринял титул «царь царей» с готовностью (с. 79).

Глава II основной части посвящена внешнеполитическим отношениям Армении, Римской империи и Сасанидского Ирана в 296–297 г. н.э. (с. 82–118), т.е. годам, непосредственно предшествовавшим составлению тигранакертской надписи (по мнению автора, как мы знаем, она датируется 298–301 гг. н.э.). В первом параграфе II главы говорится о римско-армянско-персидской войне, закончившейся подписанием Нисибисского мирного договора 298 г. н.э. (с. 82–86). Изложение автора здесь конспективно, хотя основные факты переданы верно. Сасанидский Иран потерпел поражение и вернул Римской империи, или Армении (см. ниже) пять затигрских провинций: Ингилену, Софену, Арзаену¹³, Кордуену и Забдицену. Во втором параграфе II главы рецензируемой монографии рассматривается вопрос о локализации этих областей (с. 86–118). В целом, если с выводами историко-географических экскурсов автора можно до известной степени согласиться (с. 102–118), то следует критически отнестись к его стремлению доказать то, что затигрские области фактически вошли в состав государства армянских Аршакидов, а не Римской империи, по итогам мирного договора 298 г. н.э. (с. 87–93). Здесь А.Ж. Арутюнян ссылается на армянского историка Пс.-Павстоса (V в. н.э.), чьи сведения во многом входят в противоречие с данными античной традиции, а именно Аммиана Марцелина (Amm. Marc. XXV. 7, 9). Можно предполагать, что верны данные именно античной традиции, а не Пс.-Павстоса, стремившегося показать значимость Великой Армении на международной арене даже в этот период, хотя вопрос остается открытым. Свидетельство Прокопия Кесарийского, приведенное автором в подтверждение своей точки зрения (с. 91), отнюдь не подкрепляет последнюю. Прокопий (*De aed.* III. 17) всего лишь пишет о том, что пятью затигрскими областями управляли местные сатрапские фамилии армянского происхождения, которые только получали знаки власти от Рима. В тексте Прокопия не говорится, что эти сатрапии возникли только после 387 г. н.э., как считает Арутюнян (с. 91). Не исключено, что указанные области формально находились под властью царей Армении, но их правители получали знаки власти от Рима.

Глава III, посвященная анализу и интерпретации тигранакертской надписи (с. 119–189), является основной в монографии А.Ж. Арутюняна. В данной главе поднято множество важнейших проблем и вопросов, связанных с историей Армении III–IV вв. н.э. Ценным нам представляется и то, что автором дается первый полный, комментированный и подробный анализ тигранакертской надписи. Конечно, внимание этому памятнику уделялось и ранее¹⁴, однако анализ Арутюняна наиболее обстоятелен. Приведен в книге и первый полный перевод этой надписи на русский язык (с. 119–123 – § 1), правда, выполненный не самим автором, а В.Н. Мурадяном. Само по себе это вряд ли можно поставить в упрек автору, но гораздо более важно, что отсутствует анализ текста оригинала, и не только этой надписи, но и других греческих и латинских источников.

Повествование открывается § 2, в котором затрагиваются вопрос датировки надписи и некоторые реалии времени его составления (с. 126–127). Автор вслед за Г.Х. Саркисяном полагает, что надпись следует относить к 298–301 гг. н.э. (с. 126). По мнению А.Ж. Арутюняна, надпись не может быть датирована более поздним временем по следующим причинам: 1) по палеографическим особенностям; 2) в надписи говорится не о едином христианском боге, а о богах; 3) в тексте надписи присутствует царская Тюхе-Удача, Благодать, что также свидетельствует о языческих верованиях ее составителя (с. 126–127). Эти аргументы не являются безупречными. Еще К.Ф. Леманн-Хаупт доказывал, что этот памятник был составлен при царе Папе (369–374 гг. н.э.) в эпоху языческой реакции в Армении¹⁵. При нем и его отце Аршаке II государство в лице этих властителей активно боролось против армянской христианской церкви как выразителя интересов местной нахарарской, феодализирующей знати¹⁶, поэтому использование языческой терминологии в указанной надписи вполне понятно.

Кроме того, процесс христианизации Армении был не одномоментным актом, поскольку он растянулся на весьма длительное время. Это касается и Римской империи, где христиан-

¹³ Именно в этой провинции, возможно, локализуется Тигранакерт (см. выше).

¹⁴ Особенно см. Sarkisyan 1960, 75–110; Elnitskiy 1961, 207–211; Yelnitsky 1965, 127–130.

¹⁵ Lehmann-Haupt 1910, 394–410.

¹⁶ Diakonoff *et al.* 1989, 281–282.

ство окончательно победило только в VI в. н.э.¹⁷, а эдикты против язычества Феодосия Великого были приняты лишь в 394 г. н.э. Эпоха же Аршака II, и отчасти Папа, совпадает с усилением борьбы язычества с христианством в пределах Римской империи при Юлиане Отступнике (361–363 гг. н.э.). Следовательно, аргументы К.Ф. Леманн-Хаупта и Л.А. Ельницкого¹⁸ в пользу более поздней датировки тигранакертской надписи заставляют сомневаться в безоговорочных формулировках Г.Х. Саркисяна и А.Ж. Арутюняна. Что касается Тюхе тигранакертской надписи, то она не только коррелирует с греческой богиней Удачи и Успеха (автор почему-то их разделяет), а также с римской Фортуной (с. 127), но и соответствует иранскому божеству Хварэне, персонифицированной царской удачей и благодатью, обладающей аналогичными функциями, о чем Арутюнян не говорит. К примеру, царская Тюхе-Хварэна упоминается в нимруд-дагской надписи Антиоха I, царя Коммагены (69–34 гг. до н.э.) (*OGIS* I 383, стк. 74–75)¹⁹.

В третьем параграфе III главы монографии рассмотрен вопрос о причинах и поводах высечения тигранакертской надписи (с. 128–133). Автор, отнеся этот памятник к 298–301 гг. (о спорности этой датировки см. выше), считает, что персы, недовольные условиями Нисибисского договора, способствовали эскалации мятежа, направленного против центральной власти, в котором участвовало население Тигранакерта (с. 128–129). Можно согласиться с автором, когда он констатирует постоянные смуты и мятежи в Армении в IV в. (с. 129–131), но сохранившиеся строки надписи не дают никаких поводов говорить о восстании горожан против царской власти. Это положение восходит к гипотезе Г.Х. Саркисяна, справедливо подвергнутой критике Л.А. Ельницким²⁰. Еще более произвольным выглядит и предположение А.Ж. Арутюняна о роли в этих событиях Сасанидов, которые традиционно в Армении ориентировались на нахарарство (по своей социально-экономической и социально-политической сущности сходное с персидскими и парфянскими азатами²¹), не заинтересованное в сильной царской власти, о чем писал еще Н.Г. Адонц²². Скорее, как верно указывал Л.А. Ельницкий (развивая и дополняя позицию К.Ф. Леманн-Хаупта)²³, в надписи косвенно упоминался очередной мятеж нахараров (А, 3) (с. 119), случившийся неподалеку от города или в самом городе.

Необязательно следует относить конфликт Рима и Сасанидского Ирана, о котором идет речь в тексте надписи, именно к 298 г. н.э., как это делает автор (с. 129–131), поскольку борьба за Армению между этими государствами продолжалась в течение всего IV в. В этот период Армения политически и дипломатически балансировала между Римом и Персией, поэтому их упоминание в тексте памятника является вполне уместным.

Автор справедливо обращает внимание на то, что в одном из отрывков надписи говорится о полисе-политии²⁴ (С, 3) (с. 131). Сходное мнение было высказано и Г.Х. Саркисяном. Он считал, что большая часть текста надписи представляет собой обращение царя к гражданскому коллективу города, который назван властителем «нашими рабами» (С, 2), что вполне соотносится с политическими нормами древневосточного общества²⁵. Напрасно А.Ж. Арутюнян рассматривает указанный термин в социально-экономическом смысле, связывая его с рабовладельческими отношениями в Древней Армении (с. 187)²⁶. Арутюнян также полагает, что «говорить о политике в эпоху завершающего периода античности и в преддверии раннего Средневековья представляется анахронизмом» (с. 131). Едва ли можно принять этот тезис автора — достаточно сказать, что в Византии город античного типа исчезает лишь к VII в. н.э.²⁷ Сомнительным выглядит и утверждение автора о том, что именно персы пообещали населению Тигранакерта статус гражданской общины, тем самым подбив город на мятеж против царской власти (с. 132). Это

¹⁷ Vedeshkin 2018.

¹⁸ Elnitskiy 1961, 207–211; 1964, 145–148; Yelnitsky 1965, 127–130.

¹⁹ Dörrie 1964, 62.

²⁰ Sarkisyan 1960, 84–85; Yelnitsky 1965, 127–128.

²¹ Perikanyan 1983, 12–13. См. также недавно опубликованный труд Khurshudyan 2015.

²² Adonts 1908, 211–235.

²³ Elnitskiy 1961, 209; Yelnitsky 1965, 128.

²⁴ Перевод и трактовка Л.А. Ельницким этого слова термином «город» (в узком смысле) маловероятны. См. Yelnitsky 1965, 128.

²⁵ Sarkisyan 1960, 83–84, 89.

²⁶ Примерно также считал и Л.А. Ельницкий: Elnitskiy 1964, 147, прим. 66.

²⁷ Kurbatov, Lebedeva 1982, 56–77.

является не более чем произвольной конструкцией автора, никак не подкрепленной данными источника.

В четвертом параграфе III главы монографии дана общая характеристика армянского общества IV в. н.э. с привлечением данных тигранакертской надписи (с. 133–170). Во многом с автором стоит согласиться, особенно когда он говорит о борьбе царской власти с мятежным и сепаратистски настроенным нахарарством. Эта борьба отразилась и в литературных произведениях. В первую очередь это касается сочинений Пс.-Павстоса и Моисея Хоренского. А.Ж. Арутюнян не без обоснования считает их выразителями интересов армянской знати (с. 151–158, 162–163, 164–165, 166). Любопытны соображения автора о роли племени мардов, своеобразной «преторианской гвардии» армянских владык того времени, в социально-политической жизни страны (с. 159–161). Описание автором междоусобной борьбы армянских знатных родов, по данным Пс.-Павстоса и Моисея Хоренского, достаточно основательно (с. 138–142). Любопытно суждение Арутюняна о том, что армянский царь Хосров III, приказав всей знати постоянно находиться при его дворе, руководствовался политическими принципами, заложенными еще Тиграном II Великим (с. 140–141). Проследивает Арутюнян и процесс нарастания территориального раздробления Армении в IV в. н.э. (с. 137–138, 159, 165). Дает он и краткую характеристику древнеармянского общества описываемой эпохи (с. 167–171), правда не привлекая соответствующие главы из не нового, но весьма ценного и основательного труда А.П. Новосельцева²⁸.

Наряду с бесспорными и интересными суждениями в рассматриваемом параграфе содержатся положения, с которыми трудно согласиться. Так, А.Ж. Арутюнян недоумевает, почему в тигранакертской надписи не упоминается имени армянского царя, хотя он участвовал в ее составлении, и почему властитель говорит не «Я», а «Мы» или «Наше» (с. 133). Однако еще Г.Х. Саркисян доказал, что тигранакертская надпись является обращением царя к гражданскому коллективу города, поэтому царь и употребляет подобные выражения²⁹. Не обязательно подразумевать под упомянутым в надписи персидским царем Нарсе (293–302 гг. н.э.), а под римским императором — Диоклетианом (285–305 гг. н.э.) (с. 133–134), так как памятник скорее всего датируется более поздним временем (см. выше). Бездоказательным выглядит и утверждение автора о том, что Сасаниды стремились разрушить римско-армянский союз, поддерживая мятеж в Тигранакерте (с. 134–135) (см. выше), хотя автор прав, когда пишет, что Сасаниды пытались распространить свое религиозно-политическое влияние в Армении; в том числе по этой причине Тиридат III в 301–303 гг. н.э. принял христианство (с. 135). Говоря о противоречиях и конфликтах между царской властью и нахарарами, автор упрекает армянских Аршакидов в том, что они в своей политике руководствовались методами и нормами старой рабовладельческой системы (с. 136, 140, 142). Вряд ли вообще можно назвать древнеармянское общество рабовладельческим (см. выше). Что касается политики Аршакидов, то они действовали так, как действует любая государственная структура, представляющая отживающий социально-экономический строй накануне эпохи кардинальных перемен (в данном случае распада Армении как единого государства). К тому же к концу IV в. сужается социальная база царской власти в Армении, и во многом по объективным причинам. Не может автор претендовать и на лавры первооткрывателя, когда говорит, что до него фактически никто не писал о внутренних причинах ослабления и распада древнеармянского государства к концу IV в. н.э. (с. 135). На это указывали еще И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова и И.С. Свенцицкая³⁰.

Описывает А.Ж. Арутюнян и основание Аршакавана («города Аршака») ³¹ — города, построенного Аршаком II (с. 142–146), пытавшимся укрепить пошатнувшееся социально-политическое положение царской власти в стране и ограничить влияние нахараров; следовательно, в его действиях не было ничего необычного (ср. с. 142–143). Говоря о составе городского населения, автор некритически следует за крайне тенденциозными сведениями, сообщаемыми

²⁸ Novosel'tsev 1980.

²⁹ Sarkisyan 1960, 85–88.

³⁰ Diakonoff *et al.* 1989, 280–282.

³¹ Возможно, он имел черты самоуправляющейся гражданской общины. См. Sarkisyan 1960, 150. С этим соглашается и Арутюнян.

Пс.-Павстосом и Моисеем Хоренским, считавшими Аршакаван «сосредоточием зла» (с. 144)³². Нахарарство вообще воспринимало города — опору царской власти — враждебно. Это относится не только к Аршакавану. Особую ненависть у нахараров вызвал тот факт, что Аршак позволил селиться во вновь основанном городе всем желающим, которым предоставлялись равные права. Подчеркивая это (с. 143), Арутюнян указывает, что царь тем самым нарушил один из главных принципов феодализма: «вассал моего вассала не мой вассал» (с. 144). Вряд ли Аршак II имел представление об этом принципе, да и можно ли считать «разбойников, клятво-преступников, воров и должников» и т.д. (*Faust. Buz.* IV. 12) чьими-то вассалами? Скорее разделение здесь шло по социальному принципу. Основав Аршакаван как своего рода убежище, Аршак, может быть, способствовал привлечению всех недовольных усилением гнета нахараров, прежде всего крестьян, во вновь отстроенный город. Такая политика, естественно, вызвала острое неприятие у знати³³. Поэтому можно принять точку зрения Арутюняна о разрушении Аршакавана вскоре после его основания недовольными нахарарами (с. 145–146).

В § 5 главы IV рецензируемой монографии кратко прослеживается ряд моментов в истории Армени IV в.н.э. в контексте сведений, отраженных в тигранакертской надписи (с. 171–186). Любопытны рассуждения автора о локализации ряда местностей, упомянутых в тексте памятника (с. 171–176). Автор уверенно идентифицирует Мелитию, Коммагию, О[pp]о[эну] и Мат[ию] с античными Милитеной, Коммагеной, общеизвестной Орроэной-Осроэной и с мидийской Матиеной (с. 171–173). Что касается отождествлений Коммагии с Коммагеной, а Милитии с античной Милитеной, то они не вызывают возражений. Зато крайне сложно при-вязать Мат[ию] (?) и О[pp]о[эну] (?) к какому-то известному античному или древневосточному топониму. А.Ж. Арутюнян не критически следует здесь за К.Ф. Леманн-Гауптом, который еще при публикации надписи предложил указанное решение проблемы³⁴. Однако вопрос не так прост, как кажется автору³⁵. Кроме того, А.Ж. Арутюнян полагает, что именно из этих областей были переброшены войска для подавления восстания в Тигранакерте (с. 172–173). Однако надпись настолько фрагментарна, что делать какие-либо серьезные выводы вряд ли возможно (см. выше). О сомнительности утверждения автора о восстании горожан Тигранакерта против царской власти уже неоднократно говорилось выше. Предположение о подавлении восстания нахараров poblости от города выглядит более заманчивым, но здесь не хватает прямых указаний источника. Участие в карательном походе римлян также является лишь более или менее вероятной гипотезой автора (с. 172)³⁶. Автор почему-то считает, что Коммагена стала частью римской провинции Сирия еще в республиканское время (с. 173), хотя известно, что эта область окончательно была присоединена к империи только в 72 г. н.э. при Флавиях. Некоторое

³² Их риторические тирады напоминают описание Полибием (XIII. 6–8) социальной ситуации в Спарте времен тирании Набиса на рубеже III–II в. до н.э.

³³ Sarkisyan 1960, 150–151.

³⁴ Lehmann-Haupt 1908, 507–508.

³⁵ Приносим свою благодарность А.А. Немировскому за ценную консультацию по данной проблеме. Он обратил наше внимание на то, что, коль в тексте стоит (восстановления ниже К.Ф. Леманн-Хаупта) «ἐκ τῆς πέρας τοῦ Εὐφρά[του] Ματ[ία]ς (καὶ) ἔ[κ] Μελιτίας (καὶ) ἐκ [Κομ]μαγίας (καὶ) Ὠ[pp]ω[ν]ῆς...», где, как минимум, «Мат[ия]» вводится оборотом, упоминающим Евфрат, а после нее стоят Мелетия-Мелитена и Коммагия-Коммагена (действительно лежащие при Евфрате по противоположную его сторону от местоположения надписи) — то эту «Матию» также остается помещать по соседству с Мелитеной и Коммагеной на западе от Евфрата, и она во всяком случае не может быть отождествлена с Матиеной античных авторов, лежащей у противоположного, юго-восточного рубежа Армении. Если же восстановление «той стороны» Евфрата верно и относится ко всей дальнейшей группе топонимов, то и топоним «О...о...» не может восстанавливаться как Орроэна (Осроэна, лежащая как раз к востоку от Евфрата), а должен называть какую-то область по правому его берегу (например, Арауэну Птолемея). Соглашаясь с этими соображениями, подытожим: на деле из обсуждаемых восстановлений и отождествлений, принятых Леманн-Хауптом без каких-либо доказательств, по догадке и созвучию, и воспроизведенных Арутюняном, соотношение «Мат[ии]» с Матиеной не совместимо со всем содержанием строки, а восстановление «О[pp]о[эна]» ставится под сомнение достаточно убедительным восстановлением слова «за, с той стороны» перед «Евфратом», предложенным тем же Леманн-Хауптом.

³⁶ Если мятеж нахараров все-таки был, то армянский царь мог обратиться за помощью не только к римлянам, но и к персам (Yelnitsky 1965, 127–128).

внимание Арутюнян уделяет и положению города-крепости Некрана (с. 173–177), о котором также говорится в надписи (В, 3–4)³⁷. С весьма высокой долей вероятности можно думать, что в Некране как в одной из важнейших крепостей на армяно-римско-персидской границе в течение IV в. находился римский гарнизон (с. 175–176). На с. 177–186 идет речь о дальнейшей (середина – вторая половина IV в. н.э.) борьбе Рима и Сасанидов за влияние в Армении. Нельзя сказать, что автор при этом сообщает что-то новое; основные вехи этой борьбы достаточно известны и хрестоматийны. Весьма неудачной представляется попытка А.Ж. Арутюняна доказать, что в Армению в 70-е годы IV в. н.э. во время очередного витка римско-персидской борьбы на Востоке было переброшено 12 легионов общей численностью до 80 тыс. человек (с. 179, 181–185). А.Ж. Арутюнян здесь ссылается на Аммиана Марцелина в классическом переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (Amm. Marc. XXVII. 12. 15–16). В тексте античного автора действительно говорится о 12 легионах, но у античного автора численность римских войск при этом никак не определяется, поэтому «оригинальное» утверждение автора о 80 тыс. человек выглядит более чем маловероятным. Необходимо учитывать и тенденцию уменьшения численного состава римского легиона после реформ Диоклетиана–Константина до 1–2 тыс. человек вместо прежних 4–5 тыс.³⁸ Не называет А.Ж. Арутюнян и авторов, которые писали о переброе (крайне неудачный термин в данном случае) на римско-персидское пограничье XII легиона, а не 12 легионов (с. 181). Этот легион находился на Востоке еще во время иудейской войны 66–73 гг. н.э. Крайне путано и ошибочно трактуются Арутюняном и военные преобразования эпохи домината (с. 181–184). И уж совсем фантастическим является тезис автора об увеличении численности римской армии к середине IV в. н.э. до 750 тыс. человек (со ссылкой на Дж. Коггинса³⁹ – специалиста по истории оружия; с. 183–184). Реальная же численность армии империи вряд ли превышала 400 тыс. человек даже в этот период⁴⁰. Римско-персидская граница, конечно, была весьма беспокойным местом, однако нет никаких оснований для утверждения автора о том, что восточная граница империи была наиболее напряженной и опасной (с. 183). Достаточно вспомнить постоянный натиск германских (и сарматских) племен на Западе в этот период и битву при Адрианополе в 378 г. н.э., чтобы признать и этот тезис автора несостоятельным.

Параграфы 6 и 7 четвертой главы основной части разбираемой работы фактически подытоживают анализ тигранакертской надписи (с. 186–189). Автор правильно отмечает, что текст надписи дошел до нас в крайне плачевном состоянии и поэтому установить логическую связь между отдельными частями довольно трудно (с. 187–188). Это не мешает А.Ж. Арутюняну однозначно, а порой и вольно, трактовать сохранившийся текст надписи, как уже неоднократно нами было показано ранее. Так, автор, правильно указывая на заявление армянского царя о поддержании добрососедских отношений с Римской империей (В, 5), пишет, что властитель Армении отделяет себя и римского императора от шаха Персии, поставив между ними детерминатив «бог» (с. 187). Однако слово «бог», судя по контексту памятника, относится к персидскому царю, названному и «царем царей». На это указывали еще Саркисян и Ельницкий⁴¹. Слишком упрощенно понимает Арутюнян и строки 1–2 блока D надписи (с. 188), от которых сохранились лишь отдельные слова, и их интерпретация затруднительна. Весьма смелым можно считать и предположение автора о том, что текст надписи из Тигранакерта по приказу царя был вырезан и на воротах других городов Армении в качестве предостережения (?) (с. 188–189). Надо сказать, что вопрос остается открытым. Нет в надписи и никаких намеков на антиримские или просасанидские восстания в пределах Римской державы, как это предполагает автор (с. 189). В конце книги дано краткое заключение (с. 190–193), в основном перекликающееся с основными выводами, озвученными в основной части работы. Автор надеется, что таких надписей, как тигранакертская, в скором времени будет найдено больше (с. 193). Но факт оста-

³⁷ Л.А. Ельницкий, отрицающий существование и функционирование в Тигранакерте гражданской общины, ссылается на пример Некрана, который также назван «политией» (Yelnitsky 1965, 128). Однако что мешает признать наличие гражданской общины и в Некране?

³⁸ Bannikov 2013, 169–170.

³⁹ Coggins 2009, 213.

⁴⁰ Bannikov 2013, 148–150.

⁴¹ Sarkisyan 1960, 85; Elnitskiy 1964, 145; Yelnitsky 1965, 127.

ется фактом: указанная надпись и по сей день остается уникальным источником по истории Великой Армении IV в. н.э.

Необходимо отметить, что в тексте книги имеется множество опечаток, грамматических и орфографических ошибок. Так, в списке источников ошибочно значится монография А.Г. Периханян об обществе и праве Ирана парфяно-сасанидского времени (с. 195). Книга оформлена неплохо, но иллюстрации на форзаце и в конце книги все связаны с Тиграном II (очевидно, как с основателем Тигранакерта) и не соотносятся с основным содержанием монографии. Наличие карты Великой Армении в Приложении, без сомнения, облегчает работу с книгой, однако она настолько мелкомасштабна, что многие географические названия понять затруднительно. Очерк, посвященный покойному Г.Х. Саркисяну (с. 238–251), выглядит инородным телом, да и странно заканчивать монографию списком чужих научных работ — Саркисяна и некоторых других, к тому же неполным.

В целом можно сказать, что книга А.Ж. Арутюняна является достаточно слабой и претенциозной; во многом она не решает поставленных автором задач. Отдельные верные суждения тонут в массе сомнительных и просто курьезных высказываний. Фактически единственное положительное значение этой работы заключается в самой попытке (увы, в целом неудачной) вновь обратить внимание исследователей на некоторые проблемы истории Великой Армении IV в. н.э. В заключение остается посетовать, что такая важная и нужная тема не нашла должного воплощения.

Литература / References

- Adonts, N.G. 1908: *Armeniya v epokhu Yustiniana: Politicheskoe sostoyanie na osnove nakhararskogo stroya* [Armenia in the Era of Justinian: Political State Based on the Nakhararian System]. Saint Petersburg.
- Адонц, Н.Г. *Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарарского строя*. СПб.
- Bannikov, A.V. 2013: *Evolyutsiya rimskoy voennoy sistemy v I–III vv. n.e. (ot Avgusta do Diokletiana)* [The Evolution of the Roman Military System in the 1st–3rd Centuries AD (from Augustus to Diocletian)]. Saint Petersburg–Moscow.
- Банников, А.В. *Эволюция римской военной системы в I–III вв. н.э. (от Августа до Диоклетиана)*. СПб. – М.
- Boltunova, A.I. 1942: [Greek inscriptions of Armavir]. *Izvestiya Armyanskogo filiala Akademii Nauk SSSR* [Bulletin of the Armenian Branch of the Academy of Sciences of the USSR] 1–2 (15–16), 35–61.
- Болтунова, А.И. Греческие надписи Армавира. *Известия Армянского Филиала АН СССР* 1–2 (15–16), 35–61.
- Bokshchanin, A.G. 1960: *Parfiya i Rim. Ch. 1. Vozniknovenie sistemy politicheskogo dualizma v Peredney Azii* [Parthia and Rome. Pt. 1. The Emergence of a System of Political Dualism in Asia Minor]. Moscow.
- Бокшанин, А.Г. *Парфия и Рим. Ч. 1. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии*. М.
- Borisov, A. Ya. 1946: [The inscriptions of Artaxias (Artashes), king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 97–104.
- Борисов, А.Я. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. *ВДИ* 2, 97–104.
- Coggins, J. 2009: *Oruzhie vremen antichnosti. Evolyutsiya vooruzheniya drevnego mira* [The Weapons of Antiquity. The Evolution of Weaponry of the Ancient World]. Moscow.
- Коггинс, Дж. *Оружие времен античности. Эволюция вооружения древнего мира*. Пер. В.Д. Кайдалова. М.
- Diakonoff, I.M., Starkova, K.B. 1955: [The inscriptions of Artaxias (Artashes I), the king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 161–174.
- Дьяконов, И.М., Старкова, К.Б. Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении. *ВДИ* 2, 161–174.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. 1989: [Lecture 16. Transcaucasia and neighboring countries between Iran and Rome. The christianization of Transcaucasia]. In: I.M. Diakonoff,

- V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (eds.), *Istoriya drevnego mira*. T. 3. *Upadok drevnikh obshchestv* [The History of Ancient World. Vol. 3. The Decline of Ancient Societies]. Moscow, 275–294.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. Лекция 16. Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья. В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Т. 3. *Упадок древних обществ*. М., 275–294.
- Dörrie, H. 1964: *Der Königs kult des Antiochos von Kommagene im Lichte neuer Inschriften-Funde*. Göttingen.
- Dupont-Sommer, M.A. 1976: L'énigme du dieu «Satrape» et le dieu Mithra. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 120/4, 648–660.
- Dzhavakhishvili, I.A. 1905: *Gosudarstvennyy stroy Drevney Gruzii i Drevney Armenii* [The Political System of Ancient Georgia and Ancient Armenia]. Vol. 1. Saint Petersburg.
- Джавахишвили, И.А. *Государственный строй Древней Грузии и Древней Армении*. Т. 1. СПб.
- Elnitskiy, L.A. 1961: [About the dating of the inscription from Tigranakert]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal] 2 (13), 207–211.
- Ельницкий, Л.А. О датировке Тигранакертской надписи. *ИФЖ* 2 (13), 207–211.
- Elnitskiy, L.A. 1964: [On little-known or lost Greek and Latin inscriptions of Transcaucasia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 134–148.
- Ельницкий, Л.А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. *ВДИ* 2, 134–148.
- Khurshudyan, E. Sh. 2015: *Gosudarstvennye instituty parfyanskogo i sasanidskogo Irana* [The State Institutions of Parthian and Sassanian Iran]. Almaty.
- Хуршудян, Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. Алматы.
- Kovacs, F.L. 2016: *Armenian Coinage in the Classical Period*. (Classical Numismatic Studies, 10). Lancaster, PA—London.
- Kurbatov, G.L., Lebedeva, G.E. 1982: [The city and the state in Byzantium during the transition from antiquity to feudalism]. In: G.L. Kurbatov, V.V. Mavrodin, E.D. Frolov, I. Ya. Froyanov (eds.), *Gosudarstvo i gorod v drevnikh obshchestvakh* [The State and the City in Ancient Societies]. Leningrad, 56–77.
- Курбатов, Г.Л., Лебедева, Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму. В кн.: Г.Л. Курбатов, В.В. Мавродин, Э.Д. Фролов, И.Я. Фроянов (ред.), *Государство и город в древних обществах*. Л., 56–77.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1908: Eine griechische Inschrift aus der Spätzeit Tigranokerta's. *Klio* VIII, 497–520.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1910: *Armenien einst und jetzt: Reisen und Forschungen*. Bd. 1. *Vom Kaukasus zum Tigris und nach Tigranokerta*. Berlin.
- Livshits, V.A. 1979: [The trilingua from Xanthus and the inscriptions of Artaxia]. In: *VIII Vsesoyuznaya konferentsiya po Drevnemu Vostoku, posvyashchennaya pamyati akademika V.V. Struve (2.11.1889 – 15.9.1965)*. Moskva, 6–9 fevralya 1979. *Tezisy dokladov* [VIII All-Union Conference on the Ancient East, in Memory of Academician V.V. Struve (2.11.1889 – 15.9.1965). Moscow, February 6–9, 1979. Papers' Theses]. Moscow, 54–56.
- Лившиц, В.А. Трилингва из Ксанфа и надписи Артаксия. В кн.: *VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В.В. Струве (2.11.1889–15.9.1965)*. Москва, 6–9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. М., 54–56.
- Manandyan, Ya.A. 1945: [The problem of social formation of pre-arshakid Armenia]. *Istoricheskie zapiski* [The Historical Notes] 15, 3–28.
- Манандян, Я.А. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. *Исторические записки* 15, 3–28.
- Manandyan, Ya.A. 1946: *Armavirskie grecheskie nadpisi v novom osveshchenii* [The Greek Inscriptions from Armavir in a New Light]. Erevan.
- Манандян, Я.А. *Армавирские греческие надписи в новом освещении*. Ереван.
- Novosel'tsev, A.P. 1980: *Genезis feodalizma v stranakh Zakavkaz'ya* [The Genesis of Feudalism in the Countries of Transcaucasia]. Moscow.
- Новосельцев, А.П. *Генезис феодализма в странах Закавказья*. М.
- Pigulevskaya, N.V. 1956: *Goroda Irana v rannem Srednevekov'e* [The Cities of Iran in the Early Middle Ages]. Moscow.

- Пигулевская, Н.В. *Города Ирана в раннем Средневековье*. М.
- Pigulevskaya, N.V. 2011: *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya: Issledovaniya i perevody* [The Syrian Medieval Historiography: Research and Translations]. Saint Petersburg.
- Пигулевская, Н.В. *Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы*. 2-е изд. СПб.
- Perikhanyan, A.G. 1965: [The Aramaic inscription from Zangezur (some questions of Middle-Iranian dialectology)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal] 4 (107), 107–128.
- Периханян, А.Г. Арамейская надпись из Зангезура (некоторые вопросы среднеиранской диалектологии). *ИФЖ* 4 (107), 107–128.
- Perikhanyan, A.G. 1983: *Obshchestvo i pravo Irana v parfyanskiy i sasanidskiy periody* [The Iranian Society and Law in the Parthian and Sassanian Periods]. Moscow.
- Периханян, А.Г. *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. М.
- Sarkisyan, G. Kh. 1960: *Tigranokert. Iz istorii drevnearmyanskikh gorodskikh obshchin*. [Tigranokert. From the History of Ancient Armenian Urban Communities]. Moscow.
- Саркисян, Г.Х. *Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин*. М.
- Tiratsyan, G.A. 1959: [The newly found inscription of Artashes I, king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 88–90.
- Тиращян, Г.А. Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении. *ВДИ* 1, 88–90.
- Tiratsyan, G.A. 1980: [Another Nev inscription of Artashes I, king of Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 99–104.
- Тиращян, Г.А. Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении. *ВДИ* 4, 99–104.
- Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kul'tury Drevney Armenii (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [The Essays on the History of Culture of Ancient Armenia (II B.C – IV A.D.)]. Moscow–Leningrad.
- Тревер, К.В. *Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. М.–Л.
- Vardanyan, R.E. 1987: [On the dating of two groups of Armenian coins of the Hellenistic period]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical and Philological Journal] 2 (117), 195–207.
- Варданян, Р.Е. К вопросу о датировке двух групп армянских монет эллинистической эпохи. *ИФЖ* 2 (117), 195–207.
- Vedeshkin, M.A. 2018: *Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii IV–VI vv.n.e.* [The Pagan Opposition to the Christianization of the Roman Empire in the 4th–6th Centuries A.D.]. Saint Petersburg.
- Ведешкин, М.А. *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв.* СПб.
- Yelnitsky, L.A. 1965: [Anti-church and anti-Christian trends in fourth century Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 122–130.
- Ельницкий, Л.А. К истории антицерковных и антихристианских тенденций в Армении в IV в. н.э. *ВДИ* 2, 122–130.

Sergey V. Obukhov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: veretragna@rambler.ru

С.В. Обухов,

к.и.н., м.н.с. кафедры истории древнего
мира исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия